

Художник Н. Колпакова

Красный Ферзь

Дмитрий Осин

НАНОФАНТАСТИКА

Штурман уселся в соседнее кресло, нажал несколько кнопок на пульте, чем-то пощелкал. Потом откинулся на спинку и некоторое время дудел через губу. Не найдя, чем бы еще заняться, он произнес:

— Ничего нового, профессор?

Профессор молча пожал плечами. Он сидел перед экраном и в который раз созерцал однообразную звездную россыпь. Как бы в утешение ему, однообразие нарушал висящий прямо посреди экрана мертвый зрачок Хороса, реликтовой черной дыры, окруженный нежно-розовым нимбом искривленных световых волн. По расчетам выходило, что исследовательский зонд «Вергилий-5» уже должен пройти эргосферу и начать погружение. Цель достигнута. Конечная остановка.

Или не конечная. Сейчас все решал человек на «Вергилии», наглухо запакованный в кокон из силовых полей. Непонятный человек. Станный и, по-видимому, опасный.

Профессор закрыл глаза и стал вспоминать.

Настоящего имени этого человека не знал никто, в тюремном списке он проходил под номером, а в криминальных сводках — под кличкой Красный Ферзь. При первой же встрече профессор понял почему. Эту шахматную фигурку заключенный постоянно вертел в пальцах, перебрасывал с ладони на ладонь, тербил, поглаживал.

— Зачем это вам? — поинтересовался профессор.

— На удачу, — невозмутимо ответил тот.

Удача — ключевое слово. Оно и стало причиной, по которой из многих кандидатов психологи выбрали именно его. Этот человек двадцать лет водил за нос силовые ведомства Земли. Он обходил все засады, разоблачал все подставы, тщательно спланированные операции по его задержанию срывались в последний момент, ибо объект не являлся в точку randevu, словно знал заранее. Какой-то конфликт случился у него с бандой Кривого Шломо, и банда была уничтожена с жестокостью и ловкостью невероятной. Он никогда не оставлял свидетелей. Потом случилась Пекинская авария, и он по глупой нелепости попал в облаву.

Обследовавшие его психологи вынесли вердикт: ярко выраженная способность к немотивированному выбору оптимальных решений.

Профессор лично приехал в тюрьму, чтобы предложить ему сделку.

Заключенный с минуту катал своего ферзя между ладонями, затем спросил:

— А не расплющит меня в этой черной дыре к едрене-фене?
— Нет. На зонд установлены надежные квантовые компенсаторы. Они уравнивают все внешние возмущения. По существу, «Вергилий» — это громадная защитная капсула.

— А почему, проф, вы не посылаете туда автоматы?

— Четыре предыдущих «Вергилия» управлялись именно автоматами. Кроме самого факта успешного погружения, больше ничего о них не известно. Главная трудность в том, что за горизонтом событий черной дыры теряют смысл все известные нам физические законы. Невозможно запрограммировать автомат при таком недоборе информации. А мозг человека, напротив, готов к принятию нестандартных решений. Отсюда же возникает ваш шанс вернуться обратно. Как я уже говорил, если общепринятая гипотеза верна, то по мере продвижения к центру Хороса вы будете встречать розеновские устья. Это входы на так называемые мосты Эйнштейна — Розена, каждый из которых выйдет в определенную точку не только нашей, но и всех возможных вселенных. Главное — правильный выбор. Здесь вся надежда на вашу исключительную интуицию. Вам предстоит выбрать такую точку выхода, которая как можно ближе находится к Земле как в пространстве, так и во времени. Затем автоматически сработает маяк гиперсвязи, и мы непременно отыщем вас.

Заключенный помолчал, еще покатавал-поваливал своего ферзя, потом махнул рукой:

— Согласен, проф. Чем здесь заживо гнить, лучше рискнуть.

Воспоминания прервал голос штурмана:

— Интересно, когда можно ожидать возвращения «Вергилия» через этот ваш межзвездный мост?

— Мост Эйнштейна — Розена, — машинально поправил его профессор. — Время ожидания от минус бесконечности до плюс бесконечности.

— То есть? — изумился штурман.

— С нашей точки зрения, «Вергилий» и его пилот находятся в черной дыре вечно. Находились там в прошлом и будут находиться в обозримом будущем. Понятие времени исчезает в сингулярности.

Штурман присвистнул:

— Мистика какая-то. Значит, он там не стареет? Не лысеет, не толстеет? Кстат, вот уже две недели прошло, а он, по-вашему, даже не покушал?

— Он даже не успел проголодаться.

Штурман помолчал, соображая, затем сказал:

— Да, вот тебе и вечность. Никогда не понимал этого. Ну вот сидит он там целую вечность, бессмертный, как Кащей, и получается, что он в принципе знает все прошлое и все будущее. Это ж сколько информации, какие возможности... А если вдобавок он способен через эти мосты общаться с нашей вселенной, влиять на нее, то — какая власть! В древности его бы назвали Богом!

— Хм, ваше предположение не лишено зерна правдоподобия. Теоретически мостов может быть бесконечное множество, и если один из них выводит, скажем, на раннюю стадию вселенной, то любое, даже малейшее вмешательство чревато непредсказуемыми последствиями. Например, он может посылать в устья электромагнитные импульсы бортового радиопередатчика и ждать, что получится. То есть произвольно менять физические законы мироздания. Но поскольку...

Вдруг моргнул и сразу же потемнел экран. Звездолет качнулся. Взвизгнула и тут же смолкла сигнализация тревоги.

— Что за... — пробормотал штурман, хватаясь за подлокотники.

И раздался голос. Даже не голос, а глас. Усиленный корабельными динамиками, он затопил помещение:

— Привет, проф. Благодарю за удачную мысль. Только вы ошибаетесь, не Бог, совсем нет... Скорее тот, кто по ту сторону. Внимание, я начинаю!

Экран высветился, снова возникло космическое пространство, и профессор с ужасом наблюдал, как звезды, газовые облака, дальние галактики поползли со своих мест, начали странным образом сворачиваться, уплотняться, пока не образовали гигантскую фигуру — шахматного ферзя красного цвета.